

Забывание собственных имен

В 1898 году я поместил в «*Monatsschrift für Psychiatrie und Neurologie*» небольшую статью «К вопросу о психическом механизме забывчивости»; содержание этой статьи послужит исходной точкой настоящего изложения. В ней я подверг на примере, взятом из моей собственной жизни, психологическому анализу чрезвычайно распространенное явление временно-го забывания собственных имен и пришел к тому выводу, что этот весьма обыкновенный и практически не особенно важный вид расстройства одной из психических функций — способности припоминания — допускает объяснение, выходящее далеко за пределы обычных взглядов.

Психолог, которому будет поставлен вопрос, чем объясняется эта столь часто наблюдаемая неспособность припомнить знакомое, по существу, имя, ограничится, скорее всего, простым указанием на то, что собственные имена вообще способны легче ускользать из памяти, нежели всякий другой элемент нашего психического содержания. Он приведет ряд более или менее правдоподобных предположений, обосновывающих это своеобразное преимущество собственных имен. Но мысль о существовании иной причинной зависимости будет ему чужда.

Для меня лично поводом для более внимательно-го изучения данного феномена послужили некоторые частности, встречавшиеся если и не всегда, то все же в некоторых случаях обнаруживавшиеся с достаточной

ясностью. Это было именно в тех случаях, когда наряду с *забыванием* наблюдалось и *неверное припоминание*. Субъекту, силящемуся вспомнить ускользнувшее из его памяти имя, приходят в голову иные, *подставные* имена, и если эти имена и опознаются сразу же как неверные, то они все же упорно возвращаются вновь с величайшей навязчивостью. Весь процесс, который должен вести к воспроизведению искомого имени, потерпел как бы известный сдвиг и приводит к своего рода подмене.

Наблюдая это явление, я исхожу из того, что сдвиг этот отнюдь не является актом психического произвола, что он, напротив, совершается в рамках закономерных и поддающихся научному учету. Иными словами, я предполагаю, что «подставное» имя или имена стоят в известной, способной быть вскрытой связи с искомым словом, и думаю, что если бы эту связь удалось обнаружить, этим самым был бы пролит свет и на самый феномен забывания имен.

В том примере, на котором я построил свой анализ в указанной выше статье, забыто было имя художника, написавшего известные фрески в соборе итальянского городка Орвието. Вместо искомого имени — Синьорелли — мне упорно приходили в голову два других — Боттичелли и Больтраффио; эти два подставных имени я тотчас же отбросил как неверные, и, когда мне было названо настоящее имя, я не задумываясь признал его. Я попытался установить, благодаря каким влияниям и путем каких ассоциаций воспроизведение этого имени потерпело подобного рода сдвиг (вместо Синьорелли — Боттичелли и Больтраффио), и пришел к следующим результатам.

а) Причину того, почему имя Синьорелли ускользнуло из моей памяти, не следует искать ни в особенностях этого имени самого по себе, ни в психологическом характере той комбинации, в которой оно долж-

но было фигурировать. Само по себе имя это было мне известно не хуже, чем одно из подставных имен (Боттичелли), и несравненно лучше, нежели второе подставное имя — Больтраффио; об этом последнем я не знал почти ничего, разве лишь что этот художник принадлежал к миланской школе. Что же касается комбинации, в которой находилось данное имя, то она носила ничего не значащий характер и не давала никаких нитей для выяснения вопроса: я ехал лошаадьми с одним чужим для меня господином из Рагузы (в Далмации) в Герцеговину; мы заговорили о путешествиях по Италии, и я спросил моего спутника, был ли он уже в Орвието и видел ли знаменитые фрески... NN.

б) Объяснить исчезновение из моей памяти этого имени мне удалось лишь после того, как я восстановил тему, непосредственно предшествовавшую данному разговору. И тогда весь феномен предстал передо мной как процесс *вторжения* этой предшествовавшей темы в тему дальнейшего разговора и *нарушения* этой последней. Непосредственно перед тем, как спросить моего спутника, был ли он уже в Орвието, я беседовал с ним о нравах и обычаях турок, живущих в Боснии и Герцеговине. Я рассказал, со слов одного моего коллеги, практиковавшего в их среде, о том, с каким глубоким доверием они относятся к врачу и с какой покорностью преклоняются пред судьбой. Когда сообщаем им, что больной безнадежен, они отвечают: «Господин (Негг), о чем тут говорить? Я знаю, если бы его можно было спасти, ты бы спас его». — Здесь, в этом разговоре, мы уже встречаем такие слова и имена — Босния, Герцеговина (*Herzegovina*), *Herr* (господин), — которые поддаются включению в ассоциативную цепь, связывающую между собою имена Signorelli (signor — господин), Боттичелли и Больтраффио.

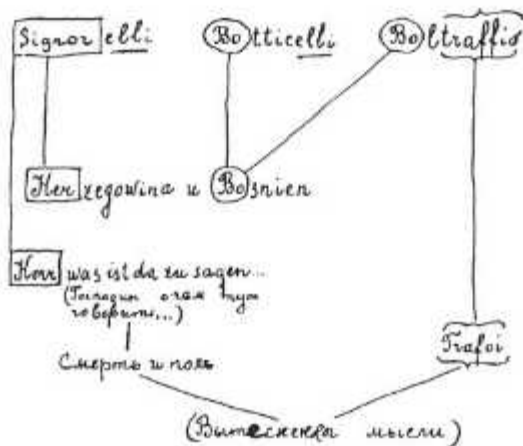
в) Я полагаю, что мысль о нравах боснийских турок оказалась способной нарушить течение следующей

мысли благодаря тому, что я отвлек от нее свое внимание прежде, чем додумал ее до конца. Дело в том, что я хотел было рассказать моему собеседнику еще один случай, связанный в моей памяти с первым. Боснийские турки ценят выше всего на свете половое наслаждение и в случаях заболеваний, делающих его невозможным, впадают в отчаяние, резко контрастирующее с их фаталистическим равнодушием к смерти. Один из пациентов моего коллеги сказал ему раз: «Ты знаешь, *господин* (Herr), если лишиться этого, то жизнь теряет всякую цену». Я воздержался от сообщения об этой характерной черте, не желая касаться в разговоре с чужим человеком несколько щекотливой темы. Но я сделал при этом еще нечто большее: я отклонил свое внимание и от дальнейшего развития тех мыслей, которые готовы были у меня возникнуть в связи с темой «смерть и пол». Я находился в то время под впечатлением известия, полученного несколькими неделями раньше, во время моего пребывания в *Trafoi*: один из моих пациентов, на лечение которого я потратил много труда, покончил с собой вследствие неизлечимой половой болезни. Я точно знаю, что во время моей поездки в Герцеговину это печальное известие и все то, что было с ним связано, не всплывало в моем сознании. Но совпадение звуков *Trafoi* — *Boltraffio* заставляет меня предположить, что в этот момент, несмотря на то что я намеренно направил свое внимание в другую сторону, данное воспоминание все же оказало свое действие.

г) После всего сказанного я уже не могу рассматривать исчезновение из моей памяти имени Синьорелли как простую случайность. Я должен признать здесь наличность известного *мотива*. Имелись известные мотивы, побудившие меня прервать рассказ о нравах турок; они же побудили меня отгородить от моего сознания связанные с этим рассказом мысли, ассоци-

ировавшиеся, в свою очередь, с известием, полученным мною в Trafoi. Я хотел таким образом нечто позабыть и вытеснить это нечто из памяти. Конечно, позабыть я хотел не имя художника из Орвието, а нечто другое, но этому другому удалось ассоциативно связаться с этим именем; так что мой волевой акт попал мимо цели, и в то время, как намеренно я хотел забыть одну вещь, я забыл — против своей воли — другую. Нежелание вспомнить направлялось против одного; неспособность вспомнить обнаружилась на другом. Конечно, проще было бы, если бы и нежелание, и неспособность сказались на одном и том же объекте. С этой точки зрения подставные имена представляются мне уже не столь произвольными. Они создают известного рода компромисс: напоминают и о том, что я хотел вспомнить, и о том, что я позабыл; они показывают, таким образом, что мое намерение позабыть нечто не увенчалось ни полным успехом, ни полным неуспехом.

д) Весьма очевидна та связь, которая установилась между искомым именем и вытесненной темой («смерть и пол»; к ней же относятся имена: Босния, Герцеговина и Trafoi). Предлагаемая схема пояснит эту связь.

Имя Signorelli разложилось при этом на две части. Последние два слога (elli) воспроизведены в одном из подставных имен без изменений (Botticelli), первые же два подверглись переводу с итальянского языка на немецкий (signog-Herr), вступили в этом виде в целый ряд сочетаний с тем словом, которое фигурировало в вытесненной теме (Herr, Herzegowina), и, благодаря этому, оказались также вытесненными из моей памяти. Замена их произошла так, как будто было сделано передвижение вдоль по словосочетанию «Герцеговина и Босния», причем передвижение это совершилось независимо от смысла этих слов и от звукового разграничения отдельных слогов. Отдельные части фразы механически рассекались подобно тому, как это делается при построении ребуса. Весь этот процесс, в результате которого имя Синьорелли заменилось двумя другими, протекал всецело вне сознания. За вычетом совпадения одних и тех же слогов (или, точнее, сочетаний букв) никакой иной связи, которая объединяла бы обе темы — вытесненную и следующую, — установить на первых порах не удастся.

Быть может, нелишне будет заметить, что приведенное выше объяснение не противоречит обычному у психологов взгляду на акт воспроизведения и забывания, как обусловленный известным соотношением и расположением психических элементов. Мы лишь присоединили к этим обычным, давно признанным моментам для некоторых случаев еще один момент — *мотив*; и, кроме того, выяснили механизм неправильного припоминания. Что же касается того «расположения», о котором говорится обычно, то оно необходимо и в нашем случае, ибо иначе вытесненный элемент вообще не мог бы вступить в ассоциативную связь с искомым именем и тем самым вовлечь его в круг вытесняемого. Быть может, если бы дело шло о каком-либо другом имени, более приспособленном для воспроиз-

ведения, это явление и не имело бы места. Ибо вполне вероятно, что подавленный элемент постоянно стремится каким-либо иным путем пробиться наружу, но удастся это ему лишь там, где имеются соответствующие благоприятные условия. С другой стороны, подавление может произойти и без функционального расстройства, или, как мы могли бы с полным правом сказать, без *симптомов*.

Сводя воедино все те условия, при которых забываются и неправильно воспроизводятся имена, мы получаем: 1) известное расположение, благоприятное для забывания; 2) незадолго перед тем происшедшее подавление и 3) возможность установить внешнюю ассоциативную связь между соответствующим именем и подавленным элементом. Впрочем, этому последнему условию вряд ли приходится приписывать особое значение, ибо требования, предъявляемые к ассоциативной связи, столь невелики, что установить ее в большинстве случаев вполне возможно. Другой вопрос — и вопрос более глубокий — это действительно ли достаточно одной внешней ассоциации для того, чтобы вытесненный элемент мог помешать воспроизведению искомого имени, и не требуется ли иной, более интимной связи между обеими темами. При поверхностном наблюдении это последнее требование кажется излишним и простая смежность во времени, не предполагающая внутренней связи, представляется достаточной. Однако при более внимательном изучении все чаще оказывается, что связанные внешней ассоциацией элементы обладают, кроме того, известной связью и по своему содержанию, и в нашем примере с именем Синьорелли также можно вскрыть подобную связь.

Ценность тех выводов, к которым мы пришли в результате нашего анализа, зависит, конечно, от того, является ли данный пример (Синьорелли) типическим

или единичным. Я, со своей стороны, утверждаю, что процесс забывания и неправильного воспроизведения имен совершается сплошь да рядом именно так, как в данном случае. Почти каждый раз, как мне случалось наблюдать это явление на себе самом, я имел возможность объяснить его именно указанным образом: как акт, мотивированный вытеснением. Должен указать и еще одно соображение, подтверждающее типический характер нашего наблюдения. Я думаю, что нет основания делать принципиальное различие между теми случаями забывания, когда оно связано с неправильным воспроизведением имен, и простым забыванием, не сопровождающимся подставными именами. В ряде случаев эти подставные имена всплывают самопроизвольно; в других случаях их можно вызвать напряжением внимания, и тогда они обнаруживают такую же связь с вытесненным элементом и искомым именем, как и при самопроизвольном появлении. Решающее значение в этом процессе «всплывания» имеют, по-видимому, два момента: напряжение внимания, с одной стороны, а с другой — некоторое внутреннее условие, относящееся уже к свойствам самого психического материала: это, быть может, та степень легкости, с какой создается между обоими элементами необходимая внешняя ассоциация. Таким образом, немалое количество случаев простого забывания без подставных имен можно отнести к тому же разряду, для которого типичен пример Синьорелли. Я не решусь утверждать, что к этому разряду могут быть отнесены все случаи забывания имен. Но думаю, что буду достаточно осторожен, если, резюмируя свои наблюдения, скажу: *наряду с обыкновенным забыванием собственных имен встречаются и случаи забывания мотивированного, причем мотивом служит вытеснение.*

Забывание иностранных слов

Слова, обычно употребляемые в нашем родном языке, по-видимому, защищены от забывания в пределах нормально функционирующей памяти. Иначе обстоит дело, как известно, со словами иностранными. Предрасположение к забыванию их существует по отношению ко всем частям речи, и первая ступень функционального расстройства сказывается в той неравномерности, с какой мы располагаем запасом иностранных слов в зависимости от нашего общего состояния и от степени усталости. Забывание это происходит в ряде случаев путем того же механизма, который был раскрыт перед нами в примере «Синьорелли». Чтобы доказать это, я приведу анализ всего только одного, но имеющего ценные особенности случая, когда забыто было иностранное слово (не существительное) из латинской цитаты. Позволю себе изложить этот небольшой эпизод подробно и наглядно.

Прошлым летом я возобновил — опять-таки во время вакационного путешествия — знакомство с одним молодым человеком, университетски образованным, который, как я вскоре заметил, читал некоторые мои психологические работы. В разговоре мы коснулись — не помню уже почему — социального положения той народности, к которой мы оба принадлежали, и он, как человек честолюбивый, стал жаловаться на то, что его поколение обречено, как он выразился, на захирение, не может развивать своих талантов и удовлетворять свои потребности. Он закончил свою страстную речь

известным стихом из Вергилия, в котором несчастная Дидона завещает грядущим поколениям отмщение Энею: «Exoriare...» и т. д. Вернее, он хотел так закончить; ибо восстановить цитату ему не удалось, и он попытался замаскировать явный пропуск при помощи перестановки слов: *exoriar(e) ex nostris ossibus ultor!* В конце концов он с досадой сказал мне: «Пожалуйста, не стройте такого насмешливого лица, словно бы вы наслаждаетесь моим смущением; лучше помогите мне. В стихе чего-то не хватает. Как он, собственно, звучит в полном виде?»

«Охотно, — ответил я и процитировал подлинный текст: „*Exoriare(e) aliquis nostris ex ossibus ultor!*“»

«Как глупо забыть такое слово! Впрочем, вы ведь утверждаете, что ничто не забывается без основания. В высшей степени интересно было бы знать, каким образом я умудрился забыть это неопределенное местоимение *aliquis*».

Я охотно принял вызов, надеясь получить новый вклад в свою коллекцию. «Сейчас мы это узнаем, — сказал я ему, — я должен вас только просить сообщать мне *откровенно* и *не критикуя* все, что вам придет в голову, лишь только вы без какого-либо определенного намерения сосредоточите свое внимание на позабытом слове»¹.

«Хорошо. Мне приходит в голову курьезная мысль: расчленить слово следующим образом: *a* и *liquis*».

«Зачем?» — «Не знаю». — «Что вам приходит дальше на мысль?» — «Дальше идет так: *реликвии, ликвидация, жидкость, флюид*. Дознались вы уже до чего-нибудь?»

«Нет, далеко еще нет. Но продолжайте».

¹ Это обычный путь, чтобы довести до сознания скрытые от него элементы представлений. Ср. мою «*Traumdeutung*»... (Здесь и далее все не отмеченные особо примечания являются авторскими.)

«Я думаю, — продолжал он с ироническим смехом, — о *Симоне Триентском*, реликвии которого я видел два года тому назад в одной церкви в Триенте. Я думаю об обвинении в употреблении христианской крови, выдвигаемом как раз теперь против евреев, и о книге *Kleinpaul'a*, который во всех этих якобы жертвах видит новые воплощения, так сказать, новые издания Христа».

«Эта мысль не всегда чужда той теме, о которой мы с вами беседовали, когда вы позабыли латинское слово».

«Верно. Я думаю, далее, о статье в итальянском журнале, который я недавно читал. Помнится, она была озаглавлена: „Что говорит святой Августин о женщинах?“ Что вы с этим сделаете?»

«Я жду».

«Ну теперь идет нечто такое, что уже наверное не имеет никакого отношения к нашей теме».

«Пожалуйста, воздержитесь от критики и...»

«Знаю. Мне вспоминается чудесный старый господин, с которым я встретился в пути на прошлой неделе. Настоящий *оригинал*. Имеет вид большой хищной птицы. Его зовут, если хотите знать, *Бенедикт*».

«Получаем, по крайней мере, сопоставление святых и Отцов Церкви — *святой Симон*, *святой Августин*, *святой Бенедикт*. Один из Отцов Церкви назывался, кажется, *Ориген*. Три имени из перечисленных встречаются и в наше время, равно как и имя *Paul* (Павел) из *Kleinpaul*».

«Теперь мне вспоминается святой *Януарий* и его чудо с кровью — но мне кажется, что это идет дальше уже чисто механически!»

«Оставьте, и святой *Януарий*, и святой *Августин* имеют оба отношение к календарю. Не напомните ли вы мне, в чем состояло чудо с кровью святого *Януария*?»

«Вы, наверное, знаете это. В одной церкви в Неаполе хранится в склянке кровь святого Януария, которая в определенный праздник чудесным образом становится вновь жидкой. Народ чрезвычайно дорожит этим чудом и приходит в сильное возбуждение, если оно почему-либо медлит случиться, как это и было раз во время французской оккупации. Тогда командующий генерал — или, может быть, это был Гарибальди? — отвел в сторону священника и, весьма выразительным жестом указывая на выстроенных вдоль улицы солдат, сказал, что он надеется, что чудо вскоре совершится...»

«Ну, дальше? Почему вы запнулись?»

«Теперь мне действительно пришло нечто в голову... Но это слишком интимно для того, чтобы я мог рассказать... К тому же я не вижу никакой связи и никакой надобности рассказывать об этом».

«О связи уже я позабочусь. Я, конечно, не могу заставить вас рассказывать мне неприятные для вас вещи; но тогда уже и вы не требуйте от меня, чтобы я вам объяснил, каким образом вы забыли слово *aliquis*».

«В самом деле? Вы так думаете? Ну так я внезапно подумал об одной даме, от которой я могу получить известие, очень неприятное для нас обоих».

«О том, что у нее не наступило месячное нездоровье?»

«Как вы могли это отгадать?»

«Теперь это уже нетрудно, вы меня достаточно подготовили. Подумайте только о календарных святых, о переходе крови в жидкое состояние в определенный день, о возмущении, которое вспыхивает, если событие не происходит, и недвусмысленной угрозе, что чудо должно совершиться, не то...»

Вы сделали из чуда святого Януария прекрасный намек на нездоровье вашей знакомой».

«Сам того не зная. И вы действительно думаете, что из-за этого тревожного ожидания я был не в состоянии воспроизвести словечко *aliquis*?»

«Мне представляется это совершенно несомненным. Вспомните только ваше расчленение *a — liquis* и дальнейшие ассоциации: реликвия, ликвидация, жидкость... Я мог бы еще включить в комбинацию принесенного в жертву *ребенком* святого Симона, о котором вы подумали в связи со словом *реликвия*».

«Нет уж, не надо. Я надеюсь, что вы не примете всерьез этих мыслей, если даже они и появились у меня действительно. Зато я должен вам признаться, что дама, о которой идет речь, — итальянка и что в ее обществе я посетил Неаполь. Но разве все это не может быть чистой случайностью?»

«Можно ли это объяснить случайностью — я предоставляю судить вам самим. Должен только вам сказать, что всякий аналогичный случай, подвергнутый анализу, приведет вас к столь же замечательным „случайностям“».

Целый ряд причин заставляет меня высоко ценить этот маленький анализ, за который я должен быть благодарен моему тогдашнему спутнику. Во-первых, я имел возможность в данном случае пользоваться таким источником, к которому обычно не имею доступа. По большей части мне приходится добывать примеры нарушения психических функций в обыденной жизни путем собственного самонаблюдения. Несравненно более богатый материал, доставляемый мне многими нервными больными пациентами, я стараюсь оставлять в стороне во избежание возражений, что данные феномены происходят в результате и служат проявлениями невроза. Вот почему для моих целей особенно ценны те случаи, когда нервный чужой человек соглашается быть объектом исследования.

Приведенный анализ имеет для меня еще и другое значение: он освещает случай забвения, не сопровождающегося появлением подставных слов, и подтверждает установленный мною выше тезис, что факт появления или отсутствия подставных слов не может обуславливать существенного различия¹.

¹ Более тщательное наблюдение несколько суживает различие между случаями Signorelli и aliquis, поскольку дело касается подставных воспоминаний. По-видимому, и во втором примере забвение также сопровождалось некоторым процессом замещения. Когда я впоследствии спросил своего собеседника, не пришло ли ему на мысль, в то время как он силился вспомнить недостающее слово, что-либо другое в замену его, он сообщил мне, что сперва испытывал поползновение вставить в стих слово *ab: nortris ab ossibus* (быть может, это оставшаяся свободной часть *a-liquis*), а затем, что ему особенно отчетливо и настойчиво навязывалось слово *exoriare*. Оставаясь скептиком, он добавил: «Это объясняется, очевидно, тем, что то было первое слово стиха». — Когда я попросил его обратить внимание на слова, ассоциирующиеся у него с *exoriare*, он назвал: экзорцизм. Легко себе представить, что усиление слова *exoriare* при репродукции и было, в сущности, равносильно образованию подставного слова. Оно могло исходить от имени *святых* через ассоциацию «экзорцизм». Впрочем, это тонкости, которым нет надобности придавать значения. — Но весьма возможно, что «всплывание» того или иного подставного воспоминания служит постоянным, а может быть, только характерным и предательским вытеснением. Процесс образования подставных имен мог бы иметься налицо даже и в тех случаях, когда «всплывание» неверных имен и не совершается, и сказывался бы тогда в усилении какого-либо элемента, смежного с позабытым. Так, в примере Signorelli у меня все то время, что я не мог вспомнить его фамилии, было *необычайно* яркое зрительное воспоминание о цикле фресок и о помещенном в углу одной из картин портрете художника, — во всяком случае, оно было у меня гораздо интенсивнее, чем у меня бывают обычно зрительные воспоминания. В другом случае — также сообщенном в моей статье 1898 года — я безнадежно позабыл название одной улицы в чужом городе, на которую мне предстояло пойти с неприятным визитом; но номер дома запомнился мне с необычной яркостью, в то время как обыкновенно я запоминаю числа лишь с величайшим трудом.

Но главная ценность примера *aliquis* заключается в другой особенности, отличающей его от случая «Синьорелли». В последнем примере воспроизведение имени было нарушено воздействием некоего хода мыслей, начавшегося и оборванного непосредственно перед тем, но по своему содержанию не стоявшего ни в какой заметной связи с новой темой, заключавшей в себе имя Синьорелли. Между вытесненным элементом и темой забытого имени существовала лишь смежность по времени; и ее было достаточно для того, чтобы оба этих элемента связались один с другим путем внешней ассоциации¹. Напротив, в примере *aliquis* нет и следа подобной независимой, вытесненной темы, которая занимала бы непосредственно перед этим сознательное мышление и затем продолжала бы оказывать свое действие в качестве расстраивающего фактора. Расстройство репродукции исходит здесь изнутри, из самой же темы в силу того, что против выраженного в цитате пожелания бессознательно заявляется протест. Процесс этот следует представить себе в следующем виде. Говоривший выразил сожаление по поводу того, что нынешнее поколение его народа ограничено в правах; новое поколение — предсказывает он вслед за Дидоной — отомстит притеснителям. Он высказывает таким образом пожелание о потомстве. В этот момент сюда врезается противоречащая этому мысль. «Действительно ли ты так горячо желаешь себе потомства? Это неправда. В каком затруднительном положении ты бы оказался, если бы получил теперь

¹ Я не решился бы с полной уверенностью утверждать об отсутствии всякой внутренней связи между обоими кругами мыслей в примере «Синьорелли». При тщательном рассмотрении вытесненных мыслей на тему «смерть и половая жизнь» все же наталкиваешься на идею, близко соприкасающуюся с темой фресок в Орвието.

известие, что ты должен ожидать потомства от известной тебе женщины? Нет, не надо потомства, — как ни нужно оно нам для отомщения». Этот протест производит свое действие тем же путем, что и в примере «Синьорелли»: образуется внешняя ассоциация между одним каким-либо из числа заключающихся в нем представлений и каким-нибудь элементом опротестованного пожелания; притом на сей раз ассоциация устанавливается обходным путем, имеющим вид в высшей степени искусственный. Второй существенный пункт схождения с примером «Синьорелли» заключается в том, что протест берет свое начало из вытесненных элементов и исходит от мыслей, которые могли бы отвлечь внимание. — На этом мы покончим с различиями и внутренним сходством обоих примеров забывания имен. Мы познакомились еще с одним механизмом забывания — это: нарушение хода мысли силой внутреннего протеста, исходящего от чего-то вытесненного. С этим процессом, который представляется нам более удобопонятным, мы еще неоднократно встретимся в дальнейшем изложении.

Забывание имен и словосочетаний

В связи с тем, что мы сообщили выше о процессе забывания отдельных частей той или иной комбинации иностранных слов, может возникнуть вопрос, нуждается ли забывание словосочетаний на родном языке в существенно ином объяснении. Правда, мы обычно не удивляемся, когда заученная наизусть формула или стихотворение спустя некоторое время воспроизводится неточно, с изменениями и пропусками. Но так как забывание это затрагивает неравномерно заученные в общей связи вещи и опять-таки как бы выламывает из них отдельные куски, то не мешает подвергнуть анализу отдельные случаи подобного рода ошибочного воспроизведения.

Один молодой коллега в разговоре со мной высказал предположение, что забывание стихотворений, написанных на родном языке, может быть, мотивируется так же, как и забывание отдельных элементов иностранного словосочетания, и предложил себя в качестве объекта исследования. Я спросил его, на каком стихотворении он хотел бы произвести опыт, и он выбрал «Коринфскую невесту», стихотворение, которое он очень любит и из которого помнит наизусть по меньшей мере целые строфы. С самого же начала у него обнаружилась странная неуверенность. «Как оно начинается: Von Korinthos nach Athen gezogen, — спросил он, — или Nach Korinthos von Athen

gezogen?»¹ Я тоже на минуту заколебался было, но затем заметил со смехом, что уже самое заглавие стихотворения «Коринфская невеста» не оставляет сомнения в том, куда лежал путь юноши. Воспроизведение первой строфы прошло затем гладко, или по крайней мере без заметного искажения. После первой строки второй строфы мой коллега на минуту запнулся; вслед за тем он продолжал так:

Aber wird er auch willkommen scheinen,
Jetzt wo jeder Tag was Neues bringt?
Denn er ist noch Heide mit den Seinen
Und sie sind Christen und – getauft².

Мне уже раньше что-то резануло ухо; по окончании последней строки мы оба были согласны, что здесь произошло искажение. И так как нам не удавалось его исправить, то мы отправились в библиотеку, взяли стихотворение Гёте и, к нашему удивлению, нашли, что вторая строка этой строфы имеет совершенно иное содержание, которое было как бы выкинуто из памяти моего коллеги и заменено другим, по-видимому совершенно посторонним. У Гёте стих гласит:

Aber wird er auch willkommen scheinen,
Wenn er teuer nicht die Gunst erkauf³.

Слово verkauft рифмовало с getauft, и мне показалось странным, что сочетание слов «язычник» и «христиане» и «крещен» так мало помогло восстановлению текста.

¹ «Придя из Коринфа в Афины» или «из Афин в Коринф».

² Но будет ли он желанным гостем,
Теперь, когда каждый день приносит что-либо новое?
Ибо он язычник со своими родными,
А они — христиане и крещены.

³ Но будет ли он желанным гостем,
Если не купит милости дорогой ценой?

— Можете вы себе объяснить, — спросил я коллегу, — каким образом в этом столь хорошо знакомом вам, по-вашему, стихотворении вы так решительно вытравили эту строку? И нет ли у вас каких-либо догадок насчет той комбинации, из которой возникла замесившая эту строку фраза?

Оказалось, что он может дать мне объяснения, хотя и сделал он это с явной неохотой: «Строка: *Jetzt wo jeder Tag was Neues bringt* представляется мне знакомой; по всей вероятности, я употребил ее недавно, говоря о моей практике, которая, как вам известно, все улучшается, чем я очень доволен. Но каким образом попала эта фраза сюда? Мне кажется, я могу найти связь. Строка: *Wenn er teuer nicht die Gunst erkaufte* мне была явно неприятна. Она находится в связи со сватовством, в котором я в первый раз потерпел неудачу и которое теперь, ввиду улучшившегося материального положения, я хочу возобновить. Большого я вам не могу сказать, но ясно, что, если я теперь получу утвердительный ответ, мне не может быть приятна мысль о том, что теперь, как и тогда, решающую роль сыграл известный расчет».

Это было для меня достаточно ясно даже и без ближайшего знакомства с обстоятельствами дела. Но я поставил дальнейший вопрос: «Каким образом вообще случилось, что вы связали ваши частные дела с текстом „Коринфской невесты“? Быть может, в вашем случае тоже имеются различия вероисповедального характера, как и в этом стихотворении?»

Keimt ein Glaube neu,
Wird oft Lieb und Treu
Wie ein böses Unkraut ausgerauft¹.

¹ Где за веру спор,
Там, как ветром сор,
И любовь и дружба сметены (*пер. А. К. Толстого*).

Я не угадал; но интересно было видеть, как удачно поставленный вопрос сразу раскрыл глаза моему собеседнику и дал ему возможность сообщить мне в ответ такую вещь, которая до того времени, наверное, не приходила ему в голову. Он бросил на меня взгляд, из которого видно было, что его что-то мучит и что он недоволен, и пробормотал продолжение стихотворения:

Sieh' sie an genau!¹
Morgen ist sie grau.

И добавил лаконически: она несколько старше меня.

Чтобы не мучить его дольше, я прекратил расспросы. Объяснение казалось мне достаточным. Но удивительно, что попытка вскрыть основу безобидной ошибки памяти должна была затронуть столь отдаленные, интимные и связанные с мучительным эффектом обстоятельства.

Другой пример забвения части известного стихотворения я заимствую у К. Г. Юнга² и излагаю его словами автора:

¹ Впрочем, мой коллега несколько видоизменил это прекрасное место стихотворения и по содержанию, и по смыслу, в котором он употребил его. У Гёте девушка-привидение говорит своему жениху:

Meine Locke hab' ich Dir gegeben.
Deine Locke nehm' ich mit mir fort.
Sieh' sie an genau!
Morgen bist du grau,
Und nur braun erscheinst Du wieder dort.
(Мою цепь тебе дала я,
Прядь твою беру с собой,
Взгляни на нее.
Завтра будешь ты сед,
Но лишь темноволосым явишься ты вновь туда.)

² Jung C. G. Über die Psychologie der Dementia praecox. 1907. S. 64.